

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ !

(Изъ пасхальныхъ воспоминаній).

Наступаетъ самый великій изъ нашихъ великихъ праздниковъ, «праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ», который такъ свѣтло, такъ радостно, такъ единодушно праздновался у насъ на Святой Руси... И мнѣ невольно вспоминаются картины далекаго, дорогого прошлаго, — и да будетъ мнѣ позволено открыто, передъ всѣми, пережить эти воспоминанія, столь незначительныя, можетъ быть, въ глазахъ другихъ, столь цѣнныя и милыя мнѣ самому. Пусть эти воспоминанія будутъ моимъ пасхальнымъ подаркомъ тѣмъ, кто, съ ранняго дѣтства оторванный отъ родины, не успѣли накопить тамъ въ душѣ своей свѣтлыхъ пасхальныхъ впечатлѣній.

Мнѣ было въ то время не болѣе 7—8 лѣтъ. На Страстной Недѣлѣ, въ Великій Четвергъ или въ Великую Пятницу, я пришелъ къ своей бабушкѣ, которая жила отдѣльно отъ насъ, и увидѣлъ у нея, въ святомъ углу, подвѣшенное къ потолку нарядное, красивое пасхальное яичко, «писанку», висѣвшую такъ высоко, что не только я, но и бабушка не могла достать ее. «Вотъ Богъ посылаетъ тебѣ пасхальный подарокъ, сказала мнѣ бабушка, но сейчасъ еще постъ, и потому мы не можемъ его получить. Приходи завтра, оно, вѣроятно, будетъ висѣть пониже». На другой день яичко, дѣйствительно, висѣло значительно ниже, но все же я не могъ достать его. Бабушка сказала: «Приходи ко мнѣ на Великій День, и тогда ты, навѣрно, достанешь свою писанку».

Наступила Великая Суббота. У насъ въ домѣ все уже дышало наступающимъ праздникомъ. Надвигалось что-то святое и торжественное. Весь домъ блестѣлъ особенною чистотою. Зимнія рамы въ окнахъ были вынуты. Всюду были постланы чистые половики, ковры, праздничныя скатерти. Во всѣхъ комнатахъ горѣли лампы. Изъ кухни по всему дому разносился ароматъ куличей и другой пасхальной снѣди.

Въ святомъ углу стоялъ приготовленный для освященія особенно нарядный куличъ, а кругомъ него на блюдѣ лежали крашенныя яички. И не только въ домѣ, но и во всемъ дворѣ — все было убрано по праздничному.

Солнце зашло. Наступили сумерки. Въ соборѣ ударили въ большой колоколъ къ чтенію «Дѣяній Св. Апостоловъ». Меня уложили спать, увѣривши, что не дадутъ проспать пасхальную заутреню. Около полуночи меня разбудили словами: «Вставай скорѣе, иди, смотри въ окошко, что дѣлается около нашего собора!» Я бросился въ залу, къ окну, и увидѣлъ, что на колокольнѣ и по карнизамъ собора ярко горѣли плошки и разноцвѣтные бумажные фонари, а на площади передъ соборомъ пылали смоляныя бочки. Мой сонъ мгновенно исчезъ. Я сталъ быстро надѣвать новый праздничный костюмъ, дрожа отъ волненія и радости. А когда мы съ отцомъ пошли въ церковь, то съ колокольни уже несли праздничный трезвонъ, «во-вся», и изъ церкви выходилъ крестный

ходъ — хоругви, иконы, и духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ съ пѣніемъ «Воскресеніе Твое, Христе, Спасе, ангели поютъ на небеси. И насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити». И въ это самое время въ разныхъ мѣстахъ вокругъ собора взвились ракеты, загорѣлись бенгальскіе огни, завертѣлись огненные колеса, и все это, вмѣстѣ съ оглушительнымъ трезвономъ, наполняло мою дѣтскую душу необыкновенною радостью. Все это было понятнымъ мнѣ и доступнымъ выраженіемъ общей радости по случаю Свѣтлаго Христова Воскресенія. Обойдя кругомъ церкви, крестный ходъ остановился передъ закрытыми западными дверями. Затерянный въ толпѣ, я не могъ видѣть, что дѣлается тамъ, впереди, у закрытыхъ дверей. Но вдругъ послышалось пѣніе священниковъ: «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ..», громко и радостно повторенное пѣвчими, и всѣ кругомъ меня стали съ умиленіемъ креститься. Потомъ мы вошли въ церковь, которая ослѣпила меня яркимъ свѣтомъ безчисленныхъ свѣчей, горѣвшихъ въ ланикадилахъ и подсвѣчникахъ, и въ рукахъ молящихся. Волны ароматнаго ладана наполняли церковь. Съ клиросовъ несло неумолкаемое радостное пѣніе. Священники въ бѣлыхъ ризахъ непрерывно обходили церковь, привѣтствуя народъ словами «Христосъ воскресе!», на что и я вмѣстѣ съ другими отвѣчалъ «воистину воскресе!»

Когда, по окончаніи богослуженія, мы вслѣдъ за крестнымъ ходомъ, вышли изъ церкви, передъ моими глазами открылся чудный видъ. Весь соборъ окруженъ былъ двойною гирляндою пасхальныхъ яствъ, на которыхъ въ темнотѣ ночи ярко свѣтились восковыя свѣчи. Отъ собора эта гирлянда тянулась далеко на площади, и вдоль нея двигался ярко освѣщенный крестный ходъ съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ». Священники окропляли святою водою куличи, пасхи, яйца и

проч. Когда мы пришли домой, мы нашли тамъ уже приготовленный пасхальный столъ. Мы похристосовались другъ съ другомъ и стали разговляться. На востокѣ начинало сѣрѣть, и мы съ отцомъ пошли поздравлять бабушку. Въ комнатѣ у бабушки очень хорошо пахло ладаномъ. «Писанка» висѣла совсѣмъ низко, и бабушка позволила мнѣ взять ее. Она оказалась очень красивой коробочкой, наполненной конфетами.

Послѣ этого бабушка сказала мнѣ: «если ты хочешь видѣть, какъ будетъ сегодня «играть» солнышко, пойдѣ скорѣе во дворъ и смотри, какъ оно будетъ восходить». Я немедленно отправился во дворъ и, дѣйствительно, видѣлъ, какъ «играло» поднимавшееся изъ-за горизонта солнце. Оно все трепетало отъ радости и переливалось различными цвѣтами радуги.

Въ тотъ же день послѣ обѣда мы ходили всею семьей на кладбище христосоваться съ нашими умершими родными, а по пути, туда и обратно, христосовались со встрѣчавшимися родными и знакомыми. У всѣхъ въ душѣ было большое ликованіе.

35 лѣтъ тому назадъ я былъ студентомъ Московской Духовной Академіи. Было бы, можетъ быть, интересно рассказать о томъ, какъ я туда попалъ, но это длинная исторія. Ректоромъ Академіи былъ тогда архимандритъ Антоній (нынѣ митрополитъ Кіевскій и Галицкій). Мало было бы сказать, что мы, студенты, его любили и почитали. Онъ былъ для насъ живымъ носителемъ духовнаго свѣта и духовной жизни, живымъ воплощеніемъ православнаго идеала. Инспекторомъ нашимъ былъ архимандритъ Сергій (нынѣ замѣститель мѣстоблюстителя патріаршаго престола), котораго мы также очень любили и чтили за какую-то особенную чистоту и цѣломудренность души. О. Антонію въ то время было 27 лѣтъ, а о. Сергію 25 лѣтъ. По-

мощникомъ же инспектора былъ Петръ Федоровичъ Полянскій (нынѣ «во узахъ сушій» мѣстоблюститель патріаршаго престола). Младшему изъ студентовъ Академіи было въ то время не менѣе 20 лѣтъ, но были старики по 50 и по 60 лѣтъ. Вообще же, вся Академія свѣтилась тогда молодымъ, радостнымъ свѣтомъ православія, распространявшимся отъ ректора и инспектора. Московская Духовная Академія находилась въ стѣнахъ знаменитой Троице-Сергіевой Лавры, въ 60 верстахъ отъ Москвы. И эта связь студентовъ Академіи съ обителью преп. Сергія имѣла на нихъ огромное и глубокое духовное вліяніе. Преп. Сергій былъ незримымъ, но истиннымъ воспитателемъ всѣхъ насъ, жившихъ подъ его благодатнымъ кровомъ. У насъ въ Академіи была своя домашняя церковь во имя Покрова Божіей Матери, и мы ее очень любили, но, когда намъ хотѣлось помолиться, такъ сказать, отъ всей полноты сердца, мы шли въ Троицкій Соборъ къ мощамъ преп. Сергія, и вмѣшавшись въ толпу богомольцевъ, приходившихъ со всѣхъ концовъ Святой Руси, вмѣстѣ съ ними просили благодатной помощи у преподобнаго. И эта возможность идти во всякое время къ преподобному и молиться у его гроба была для насъ огромнымъ счастьемъ и утѣшеніемъ. Здѣсь мы учились истинному русскому православному благочестію. Но хорошо было и въ нашей академической церкви, особенно въ день престольнаго праздника, или въ дни Страстной Седмицы и Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Я расскажу, какъ мы проводили этотъ послѣдній день. Свѣтлая заутреня и литургія совершались у насъ цѣлымъ сонмомъ академическаго духовенства. Пасхальное Евангеліе читалось иногда на 12 языкахъ — церковно-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ, русскомъ, болгарскомъ, польскомъ, арабскомъ, абиссинскомъ, французскомъ, англійскомъ, япон-

скомъ и еще, не помню, на какомъ-то.

Послѣ общаго разговѣнья въ академической столовой, гдѣ насъ собиралось болѣе 200 человекъ, начинался длинный и радостный пасхальный день. Душа все время была полна звуковъ и мыслей пасхальныхъ пѣснопѣній. День проходилъ такъ. Съ однимъ изъ наиболѣе близкихъ пріятелей мы прежде всего обходили всѣ лаврскіе храмы. Сначала шли къ преп. Сергію въ Троицкій Соборъ и прикладывались къ его мощамъ—христосовались. Потомъ шли къ его ученику, преподобному Никону, заходили въ келлію преп. Сергія, гдѣ было ему явленіе Божіей Матери и прикладывались тамъ къ мощамъ преп. Діонисія, Іоасафа и Серапіона; далѣе —шли къ преп. Михею, свидѣтелю явленія Божіей Матери преп. Сергію; отсюда — въ церковь сошествія Св. Духа на Апостоловъ и тамъ прикладывались къ мощамъ преп. Максима Грека, и молились у гробницы московскихъ митрополитовъ Филарета, Иннокентія и Макарія. Затѣмъ заходили въ Успенскій Соборъ, отсюда на наше академическое кладбище и, если позволяло время, шли къ ректору и инспектору, куда во всякое время приходили всѣ студенты, желавшіе повидать ихъ и поговорить съ ними.

Послѣ обѣда слѣдовалъ новый рядъ посѣщеній и христосованій въ окрестностяхъ Лавры. Прежде всего мы шли въ Черниговскій скитъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Лавры, и тамъ въ пещерной церкви прикладывались къ Чудотворной Иконѣ Божіей Матери. Изъ церкви заходили за благословеніемъ къ старцу о. Варнавѣ. Отъ о. Варнавы шли въ основанный митрополитомъ Филаретомъ Геосиманскій скитъ, къ духовнику скита, старцу о. Герману, и у него проводили немало времени. О. Германъ занималъ помѣщеніе, состоявшее изъ маленькой передней и двухъ небольшихъ комнатъ — пріемной и спальни. Въ его келліи было очень чисто и тихо. По

стѣнамъ висѣли священныя изображенія, изъ которыхъ многія были писаны красками имъ самимъ. Самъ онъ, высокій, сѣдой старецъ, съ добрыми голубыми глазами, въ бѣломъ, ради Пасхи, балахонѣ, встрѣчалъ насъ очень привѣтливо, и сейчасъ же наставлялъ для насъ свой маленькій самоварчикъ. За чаемъ начиналась бесѣда. Мы задавали ему разные вопросы о духовной жизни, а онъ давалъ намъ отвѣты изъ писаній отцовъ церкви — подвижниковъ. Такъ проходило время до вечерни. Пасхальную вечерню мы слушали или въ Геосиманскомъ скиту, или у Черниговской Божіей Матери, или, возвратившись въ Лавру, въ Троицкомъ Соборѣ. Послѣ вечерни нѣкоторое время снова проводили у ректора.

Такъ, по внѣшности однообразно, но внутренне — глубоко одухотворенно проходилъ у насъ первый день Пасхи въ Академіи.

Да, было на русской землѣ счастливое время, когда во всемъ русскомъ народѣ, за немногими исключеніями, существовало единство православнаго церковнаго самосознанія и жизни, когда весь народъ, отъ Царя до послѣдняго нищаго, единодушно радовался Свѣтлому Христову Воскресенію и чувствовалъ себя единымъ во Христѣ. Это время прошло и, нужно думать, уже не повторится. Тѣ историческія условія, благодаря которымъ создавалось прежнее религиозное единство русского народа, отошли въ прошлое. Въ

жизнь русскаго народа вошла новая и злая сила, которая клиномъ врѣзалась въ его религиозное сознаніе и расколола его. Въ самой Россіи не стало церковнаго единства, не стало его и въ эмиграціи. Но этимъ не нужно смущаться. Окончилось, если можно такъ выразиться, младенчески-цѣльное отношеніе русскаго народа къ сокровищу своей православной вѣры и, конечно, оно уже не вернется. Но за эти невыносимо-тяжкіе и скорбные годы испытаній въ душѣ русскаго народа возникло и растетъ новое, скорбями воспитанное чувство сознательной и бережной любви къ православію, и оно, православіе, становится нашей народной сознательной святыней. Этотъ глубокий духовный процессъ совершается въ Россіи, совершается, хотя и въ менѣе глубокой степени, и здѣсь, въ эмиграціи. И онъ, все болѣе и болѣе укрѣпляясь, приведетъ къ возстановленію, къ воскресенію Святой Руси, можетъ быть, въ небываломъ, ослѣпительномъ блескѣ. Выйдетъ, изъ подводнаго мрака, святой градъ Китежъ, и еще ярче загорятся золотыя маковки его церковей и монастырей, еще громче зазвонятъ его малиновые звоны. «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ». «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебѣ славити!» Аминь.

Прот. С. Четвериковъ.

Парижъ.